

подвижна, динамична. Чужак обладает особой мобильностью и виртуально находится в контакте с каждым из членов общества. В то же время он обладает неким качеством сторонне-объективного (незаинтересованного) видения. Зиммель приводит пример торговца, судьи (приглашаемого извне для рассмотрения городских тяжб) и пр. Пожалуй, можно было бы вспомнить и о положении полевого исследователя (случай включенного наблюдения): особый модус *исследовательской дистанции*. Векторный характер динамики чужака (означающий, что дистанция выступает как модус расположения или как поворот головы) достаточно ощутим; как отмечает С. Баньковская, «в графическом изображении это, пожалуй, похоже на вектор, исходной точкой которого является группа, а направление вектора имеет неопределенный характер»¹⁴.

¹⁴ Баньковская С. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности. Там же. С. 381—388. Далее автор поясняет: вектор дистанции «фиксирует сам процесс удаления; чужак — это любая точка, расположенная и на векторе, в том числе и в его начале (в группе); отношения чужака с группой можно считать векторной величиной. Эта неопределенность позиции чужака как наблюдателя (направление удаления неопределенно) во многом обуславливает и характер его свободы, отмеченной объективностью, абстрактностью, безличностью».

Время тишины

1. Идеи захватывают людей, они будоражат умы, возносят и угнетают — огромное, просто неисчислимое количество самых разных концепций, теорий, стоящих и никчемных, все они громыхают в нас, стучат, бьются друг о друга, наперебой заявляя о себе, в общем, шумят так, что нет никаких сил... Право же, хочется тишины и покоя.

2. Сначала люди рождаются, потом они взрослеют и вскоре некоторые из них с удивлением обнаруживают в себе отсутствие интереса к царящему вокруг «празднику жизни» — «что-то не то есть *во всем* этом». Тогда они поневоле отправляются на поиски истины. Многие годы проводят они, читая умные книги, встречаясь с интересными людьми, изнуряя себя всевозможными «практиками», и... ничего не происходит. Беспокоящие их чувства не исчезают, иллюзии не рассеиваются, никто ничего не приобретает — ни тебе праздника, ни просветления. Хочется все бросить и стать моряком...

Но может случиться так, что именно в тот момент, когда некто уже смирился со своим поражением и навсегда распрощался со всеми — ему *здесь* явно делать нечего, в это самое мгновение он вдруг замечает, что «на душе у него стало спокойно» — движения мыслей не то чтобы прекратились вовсе, просто он стал ощущать себя *вне* этого движения...

А что если поиск истины — часть вселенского морока и ничего искать не нужно, потому что ты сам в своей сущности и есть истина?

Пришло время остановиться и просто быть тем, кем ты являешься на самом деле.

Все мы, взрослые и дети, мужчины и женщины, профессора и студенты, принадлежим *одной* тишине. Мы — это тишина. Мы носим тишину в своем сердце. Она — единственное, что всегда находится с нами. Мы не теряем тишину даже тогда, когда умираем. Она — безмолвный фон всего сущего, само дыхание жизни. Так что же такое тишина? Отсутствие идей. Молчание ума.

3. В повседневной жизни наше внимание приковано к объектам — вот звук движущихся легковых машин, где-то играет музыка, шелестят листья деревьев... Внимание фокусируется на каждом объекте, на долю секунды выделяя его из ряда других. А вот звук незнакомый — наше внимание собирается: мы стараемся понять, с чем это мы столкнулись? Но не проходит и минуты, а нас уже волнует совсем другое — столько дел накопилось! Постепенно внимание сосредоточивается на одном объекте, самом важном: мы начинаем ходить вокруг него кругами, притягивая к себе целый сонм эмоций... Ум и есть внимание, обращенное «наружу», объективирующее внимание. Задача ума — удержать нас подле объекта, приковать к нему, чем крепче, тем лучше. Но можно попробовать разорвать свою связь с объектами, обратив внимание на «внутреннюю сцену», где разворачиваются события — одна мысль, вторая, третья... Нет нужды останавливаться на чем-то одном. Расфокусированное внимание раскрывает пространство «сцены», где возникают и исчезают мысли, — в нас начинает проявляться осознание. Благодаря осознанию мы воспринимаем мысли, но не думаем о них и на какой-то миг погружаемся в тишину.

Тишина — «внутренняя сцена», или осознание.

3.1. «Я осознаю то, о чем думаю, что говорю, что делаю, и т. д.» — это привычное понимание осознания Рене Декарт возвел в ранг философского принципа («Я мыслю, следовательно, существую»). Он был одним из немногих новоевропейских мыслителей, кто увидел в рефлексивном мышлении важнейшее установление человеческого бытия.

«Мыслящий» — тот, кто способен удерживать в своем сознании не только некое предметное содержание, но и форму, посредством которой эта предметность открывает себя воспринимающему ее взору. Мыслитель постоянно связывает то, *что* он видит, с тем, *как* он это видит. Он имеет дело с «основаниями» — условиями данности предмета нашему сознанию. Высвечивание мыслью оснований, на которых держатся наше восприятие, говорение, делание, открывает этическое измерение философии cogito — человек берет на себя ответственность за то, о чем он думает, что он говорит и делает. Немыслящий представляет собой угрозу миру, он не

знает, что творит, не ведает последствий своих поступков, потому что не осознает себя субъектом своих действий.

3.2. Картезианское рефлексивное мышление дискретно: оно локализуемо во времени — всегда можно сказать, когда *мы* «запустили» процесс рефлексии и когда *мы* вышли из него.

Рефлексивное мышление субъектно: условием его локализации является отнесение к субъекту, который использует способность осознания в своих целях.

Рефлексивное мышление инструментально: оно генерирует новые мысли и позволяет индивиду осуществлять необходимый для жизни в обществе самоконтроль.

Рефлексивное мышление дискурсивно: оно устанавливает различия и фиксирует их в специальной терминологии.

Формула этого мышления: «Я мыслю, следовательно, осознаю условия своего думания, говорения, действия; генерирую новые смыслы и устанавливаю различия; ощущаю себя самодостаточным и ответственным субъектом своих действий».

Рефлексивное мышление утончает сознание, делает его более пластичным и восприимчивым. Но и этот вид ума не освобождает человека от власти объектов. Мысль также является объектом, только более тонким и подвижным.

3.3. Существует другой вид осознания — бдительное внимание к тому, что происходит «вовне» и «внутри», свидетельствование о самых разных событиях без стремления войти с ними в тесный контакт — мысли, звуки, ощущения в теле... Это осознание открывает нам Свидетеля.

Свидетель — то, что осознает в нас. Он не может быть объектом. Его нельзя локализовать во времени. Вселенная имеет начало, мысль имеет начало, но нет истока у того, что вдыхает жизнь и в то и в другое.

Свидетель не локализуем в пространстве: его нельзя увидеть, очертить какие-то границы, потому что он сам является Пространством, которое заполняет собой все. Стоит попытаться увидеть Свидетеля, как он тут же превращается в объект нашего осознания и перестает быть Свидетелем — тем, кто все осознает.

Тишина, Свидетель, «внутренняя сцена» — все это суть одно.

3.4. Плотин, Мейстер Экхарт, Николай Кузанский и др., оставаясь «такими же, как все», принадлежали одновре-

менно иному порядку вещей. Они знали Свидетеля. Неизменным фоном их жизни было осознание, придававшее всем их поступкам особый оттенок отстраненности, чуждости. Одно не мешает другому. Увы, можно знать Свидетеля и совершать глупости.

«Иной порядок», несомненно, проступал в мышлении и в повседневной жизни Плотина или Мейстера Экхарта, они вынуждены были считаться с ним, но ни в коем случае нельзя сказать, что эти люди являлись *субъектами* свидетельствующего сознания. Свидетелем обладать нельзя. Но можно оставаться мыслящим, не будучи субъектом.

4. В человеческом языке нет слов, с помощью которых можно было описать то, что не имеет формы, но несомненно присутствует. Единственно возможным способом узнать тишину является познание посредством тождества.

«Бытие и мысль о нем есть то же самое», — утверждали греки. Тишина — бесформенное и неопределимое Бытие. Парменид считал, что о Бытии можно сказать не так уж и много: оно кругло (шарообразно). Круг — символ вечности. Бытие не возникает и не умирает. Оно неделимо, лишено движения («бездрожно»), совершенно, разумно.

Тишина — всепроникающее Бытие, вечно живое и сознательное.

4.1. Поскольку Свидетель не имеет формы, знание о нем недискурсивно, то есть основано на тождестве с познаваемым. Это знание, говорят мудрые люди, не представляет Свидетеля, а само является Таковым.

5. «Путь мнения» — путь разделенности: ты-я, мы-они, день-ночь, сладость-горечь. «Путь истины» — путь единства. Существует *одно* Бытие. Множественности никогда не было. Разделенность — иллюзия ума, возникающая на «пути мнения». Но как, пребывая во времени, стать *одним* с Бытием? Нужно выйти за пределы ума, творящего иллюзии.

Тем не менее, Парменид настаивает: существует некая мысль, которая обладает свойством бытийности. Это неконцептуальное понимание. Ясность, имеющая своим истоком тишину. Ею тишина познает самое себя.

5.1. Легко представить ситуацию: наш ум мучительно бьется над решением проблемы — все усилия бесплодны. Вот

и пришло время перестать думать. Нет ума — нет проблем. Нужная мысль сама найдет нас.

5.2. «Отказаться от ума» может человек, имеющий ум. Глупец не видит проблем, но это не значит, что их нет.

6. Познать тишину означает потерять себя, предоставив тишине возможность быть самой собой.

6.1. Ясность — не «опыт», особое переживание. Переживание принадлежит времени: лишь на миг соприкасаемся мы с тишиной и вновь возвращаемся на «круги своя». Ясность — твердое и безоговорочное приятие того, кем ты являешься на самом деле: ты — Тишина, Бытие, Свидетель. Без всяких сомнений, непреложно — таково воздействие истины на человека. Как это возможно? Только благодаря милости.

6.2. Знаменитое дильтейевское *переживание* (непосредственное осознание)¹ атрибуцировано субъекту. Прямое постижение Свидетеля — путь за пределы эго. Субъектом познания в таком случае становится не индивид, не общество, не трансцендентальное Я (разум), а Свидетель. «Увидеть» этого субъекта — означает стать им. И наоборот, стать им — означает познать эго. Это и есть ясность, в которой исчезает эго.

7. Ясность, в которой мы теряем себя, отождествляясь с тишиной, — неисповедимая милость. С кем, когда и как это случается — ничего определенного сказать здесь нельзя. Христиане, буддисты, мусульмане, кто угодно — богатые, бедные, образованные и не очень — Бытие играет со всеми. Стоит ли огорчаться, если мы встречаемся со знанием, которое не укладывает-

¹ «Словом *осознание*, — писал В. Дильтей, — я обозначаю факт, являющийся моему самонаблюдению снова и снова: бывает такое сознание, которое не противопоставляет (представляет) субъекту некое содержание, но в каком содержании пребывает вне всякого различия. В нем совершенно не раздвоены то, что образует содержание, и акт, в котором это совершается. Осознающее не отделено от того, что составляет содержание этого осознания. То, что образует содержание сознания, не отличено от самого сознания... В самом процессе я не переживаю никакого отношения, но — единство». Цитата приведена из статьи: Плотников Н. С. «Живое знание»: идея конкретного познания у С. Л. Франка и В. Дильтея // Вильгельм Дильтей и современная философия. М. : Три квадрата, 2002. С. 190.

ся в наши привычные представления? Не отрицаем ли мы милость, если придерживаемся противоположной точки зрения?

8. Милость — не награда. Мы *надемся* — работаем и ждем: вот-вот, еще немного, еще пару усилий; мы так много книг прочитали, столько всего передумали; скоро, совсем скоро произойдет нечто экстраординарное — нам будет дано некое переживание, приснится сон или мы встретимся с человеком, который нам все хорошенько растолкует... Ожидание исходит от ума. Ум предполагает разделенность и время. Нельзя прийти к Бытию, освобождаясь от одной идеи — «ума», ради другой — «тишины». Тишина — не идея.

Для того, чтобы быть тем, кем ты являешься, не нужно время. Все уже есть. Но почему мы все еще не пребываем в единстве с Бытием? Необходима *самоотдача*.

8.1. Абсолютное приятие того, кем ты являешься по своей сути, — самоотдача.

8.2. Быть в тишине, не совершая усилий, — самоотдача.

8.3. Жизнь без ожидания вознаграждения и милости — самоотдача.

9. Основа самоотдачи — смирение. Полное смирение — приятие «нищеты нашего духа», понимание того, что ты в своих поисках истины потерпел крах, что познание себя невозможно, потому что есть только одно Я — Бытие, все остальное — иллюзия. Смирение — это и понимание того, что ты — не субъект своего мышления. Что остается на *нашу* долю? С определенного момента — ничего. И это тоже смирение. Все просто происходит — события, мысли, чувства, желания. Они приходят и уходят. В какие-то события и мысли мы вовлекаемся сильнее, в какие-то — меньше; что-то нас беспокоит, что-то оставляет равнодушными, но общим фоном всего происходящего с нами является *ясное* представление о том, что мы — это не события и мысли, а «внутренняя сцена», где все возникает и исчезает. Мы — тишина.

10. «Мы — тишина» — это не мысль и не переживание, а дар Бытия каждому из нас. Способны ли мы смиренно принять этот дар?

10.1. «Принять дар» означает остановиться, перестать заниматься поисками истины и начать внимательно всматри-

ваться в того, *кто* воспринимает происходящее здесь и сейчас, стараясь наблюдать не столько за мыслями, сколько за наблюдающим мысли. Наблюдение за наблюдающим привнесит тишину в мысли.

11. Тишина — осознание, лишённое объекта, чистое свидетельство — Бытие, которое и есть одно Я. Вместе с тишиной мы ничего не приобретаем, скорее наоборот — исчезают все эти глубокомысленные «кто», «что», «почему», «с какой целью». И остается одно бесформенное Присутствие, простирающееся повсюду. А наше тело переполняет радость, которая может выражаться или не выражаться в безотчетном смехе или в едва заметной улыбке — какое это имеет значение?!

11.1. Приходилось ли вам когда-нибудь играть в прятки? Родители и гости собрались в одной комнате, дети — в другой. Ты, «водящий», твердо знаешь, что твои приятели находятся где-то здесь, совсем рядом, остается отыскать их. Восприятие Бесформенного подобно знанию «водящего» — нет никакого сомнения в том, что Оно присутствует. Вот только искать никого не нужно.

11.2. Ясное сознание Свидетеля наполняет жизнь радостью: никуда не нужно идти, ни к чему не надо стремиться — все уже есть, и это все — Ты. Где ты был и что делал раньше? Приступ неудержимого, заразительного, освобождающего смеха нам гарантирован.

12. Нет надобности говорить о том, что все вышеизложенное — всего лишь слова, не имеющие ничего общего с реальностью. И это абсолютно правильное понимание.